

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Макарчук Илья Владимирович

**Типология показателей
глагольной меры:
аттенуативные значения**

Резюме

диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Владимир Александрович Плунгян

Москва 2023

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“».

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже три статьи, в каждой из которых соискатель является единственным автором:

1. Макаруч И. В. Глагольный аттенуатив в горномарийском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. XV. Ч. 2., 2019. С. 130–162.
База данных: список D
2. Макаруч И. В. К типологии дериваций глагольной меры: семельфактив и делимитатив // *Вопросы языкознания*, №6, 2021. С. 40–68
База данных: Scopus Q2
3. Макаруч И. В. О типах «малых» ситуаций: дисконтинуативы и глагольные диминутивы // *Известия РАН. Серия литературы и языка*, №2, 2023. С. 92–103
База данных: список D

Апробация работы

Основные результаты исследования были представлены на российских и зарубежных конференциях в период с 2015 по 2022 гг. в виде семи устных и одном постерном докладе:

1. XII Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, 19–21 ноября 2015, Санкт-Петербург, ИЛИ РАН. Устный доклад «К типологии семельфактива: мокшанская деривация на -kst»
2. III Студенческая конференция Института лингвистики (СКИЛ), 6–7 апреля 2017, Москва, РГГУ. Устный доклад «Делимитативно-пунктивная полисемия в горномарийском языке»
3. XIV Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, 23–25 ноября 2017, Санкт-Петербург, ИЛИ РАН. Устный доклад «Глагольный аттенуатив в горномарийском языке»
4. VIII конференция «Типология морфосинтаксических параметров», 22–24 октября 2018, Москва, ИРЯ им. Пушкина. Устный доклад «О типах неполноты ситуации: глагольные аттенуативы в горномарийском языке» (совместно с Степаном Михайловым)
5. XVII Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, 19–21 ноября 2020, Санкт-Петербург, ИЛИ РАН.

Устный доклад «К типологии дериваций глагольной меры: об инварианте семельфактива и делимитатива»

6. 53-rd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 26 августа — 1 сентября 2020, Румыния, Университет Будапешта. Постерный доклад «“Small” events: A typology of verbal attenuative»
7. XII конференция «Типология морфосинтаксических параметров», 12–13 октября 2022, Москва, ИЯ РАН. Устный доклад «О типах «малых» ситуаций: дисконтинуативы и глагольные диминутивы»
8. VIII Студенческая конференция Института лингвистики РГГУ, 22–23 октября 2022, Москва, РГГУ. Устный доклад «О типах «малых» ситуаций: подступаясь к типологии аттенуативных глагольных дериваций»

1. Введение

В языках мира встречаются различные деривации и конструкции, обозначающие некоторую меру или степень ситуации по какому-то параметру — то, что мы называем глагольной мерой. **Предметом** настоящего исследования является подобласть этой области значений, которые мы назвали **глагольными аттенуативами** — дериваты, обозначающие ситуации, которые неполноценны, недостаточны или в каком-то другом отношении «меньше», чем нормальная. Рассмотрим следующие примеры таких дериваций:

- (1) Финский (уральская семья; Armoškaitė, Koskinen, 2008)

Ignas luk-ais-i kirjan. (< *lukea* ‘читать’)
Игнас читать-AISE-PAST.3SG книга.ACC

‘Игнас **проглядел** книгу (= прочитал быстро, мельком)’.

- (2) Горномарийский (уральская семья; собственные полевые данные)

saša maša-m vâč-alal'-â dä kôktâ-n ke-vă (< *vâča* ‘ждать’)
С. М.-ACC ждать-АТТ-АОР.3SG и два-ADV идти-АОР.3SG

‘Саша **подождал** (немного) Машу и они пошли вместе’.

- (3) Французский (индо-европейская семья; Amiot, Stosic, 2014)

*Est-ce qu'il neige toujours? (...) il **neigeote**, chère madame! (...) Quelques vagues flocons dans l'air!* (< *neiger* ‘идти (о снеге)’)

‘Снег до сих пор идет? <...> **Снег еле идет**, мадам! <...> Несколько снежинок будет и все!’

- (4) Маврикийский креол (креол на основе французского языка; Henri, Winterstein, 2010)

Zan ronf-ronfle lor sez. (< *ronfle* ‘храпеть’)
Жан храпеть.SF-храпеть.LF на стул

‘Жан сидит на стуле и **храпит время от времени**’.

Во всех этих примерах производный глагол обозначает ситуацию, меньшую, чем исходная. Однако используемые деривации приходят к этому значению по-разному. В (1) деривация имеет значение минимальной ситуации, у такой обычно нет длительности. В (2) деривация имеет схожее значение ситуации, длительность которой меньше нормальной. В (3) деривация обозначает, что интенсивность процесса меньше, чем нормальная. А в (4) глагол обозначает, что ситуация происходит с перерывами.

Данная область аспектуальных дериваций почти не описана в существующей литературе. Кроме набросков типологий в неопубликованной курсовой [Игнатенко, 2017] и докладах [Игнатенко, Волков, 2017] и [Tatevosov, 2003], нам известна только одна опубликованная работа, посвященная типологии глагольных аттенуативов, — статья Дж. Одринг и коллег 2021-го года [Audring, Leufkens, van Lier, 2021]. В статье представлена довольно широкая выборка, однако типы дериваций и их семантика очерчены довольно общо: авторы ориентировались на грамматические описания, в которых часто описания деривационных показателей довольно скудны. В нашей магистерской диссертации [Makarchuk, 2020] была представлена выборка из 25 языков: как индоевропейской, так и уральской, тюркской, тунгусо-манчжурской, афро-азиатской и прочих семей, а также креолов.

В настоящей же работе мы постарались развить эту типологию и не столько перечислить все языки, в которых есть исследуемые деривации, сколько предложить более четкую и ясную классификацию типов. Данная диссертация отличается от работ предшественников тем, что мы стараемся более подробно рассмотреть аспектуальные характеристики глагольных аттенуативов: возможные интерпретации дериваций и их сочетаемость с акциональными классами. Поэтому мы опирались не на материал грамматических описаний, а на статьи, посвященные конкретным языковым единицам, и — в случае мокшанского, горномарийского и хантыйского языков — на собственные полевые данные¹ — так мы могли более детально рассмотреть поведение дериваций. И хотя наша выборка уже, чем в [Audring, Leufkens, van Lier, 2021], мы надеемся, что ценность нашего исследования в более глубоком описании акциональных характеристик различных типов глагольных аттенуативов, чем могло бы позволить более экстенсивное исследование. Этим и определяется **актуальность** настоящего исследования.

Таким образом, **цель** нашего исследования — описать языковое разнообразие глагольных аттенуативов и их аспектуальное поведение. Поставленная цель обуславливает следующие задачи:

- собрать выборку подробных описаний глагольных аттенуативов в разных языках мира;

¹ Данные казымского диалекта хантыйского языка, горномарийского языка и мокшанского языка были собраны в экспедициях Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в 2018–2019 гг. в село Казым ХМАО, в 2016–2018 гг. в села Микряково и Сосново республики Марий Эл и в 2014–2015 гг. в села Лесное Цыбаево и Лесное Ардашево республики Мордовия соответственно.

- изучить сочетаемость глагольных аттенуативов с разными акциональными классами и возможные интерпретации дериваций;
- предложить классификацию типов на основе аспектуального поведения.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Семантическая зона глагольного аттенуатива не однородна. Выделяются четыре типа: «перфективирующие» семельфактивы и делимитативы и «имперфективирующие» дисконтинуативы и глагольные диминутивы.
2. У разных типов глагольных аттенуативов набор акциональных классов, с которыми тот или иной тип сочетается, различается, и это возможно объяснить значением деривации. Например, так как деривации семельфактива и делимитатива модифицируют ситуацию по времени, такие деривации не сочетаются с не имеющими длительности состояниями индивидуального уровня.
3. Интерпретация дериватов от того или иного глагола зависит от акционального типа основы. Например, дисконтинуатив от события обозначает редко происходящую ситуацию, а от предельных процессов — частичную реализацию ситуации. Подробнее см. Таблицу 1 в заключении.

Теоретическая значимость настоящей диссертации заключается в следующем:

1. Была детально описана ранее почти не изученная область глагольного вида;
2. Было показано, как разные проявления глагольных аттенуативов могут менять интерпретацию в зависимости от акционального класса и что эту интерпретацию можно предсказать из этого акционального класса, если точно задать значение деривации;
3. Была предложена классификация глагольных аттенуативов, на которую можно опираться при изучении подобных дериваций в других языках.

Практическая значимость работы заключается в первую очередь в том, что они предлагают базу, на которую можно опираться при исследовании подобных дериваций в других языках. Кроме того, результаты диссертации могут быть использованы как материал для курсов по общей семантике, грамматической семантике, лингвистической типологии и т. п.

Далее мы изложим основные положения статей, выносимых на защиту. В разделе 2 описана статья [Макарчук, 2019]. Эта работа представляет собой пример того, как может выглядеть исследование глагольного аттенуатива в конкретном языке и на какие языковые переменные имеет смысл

смотреть при описании глагольного аттенуатива в том или ином языке. Разделы 3 и 4 посвящены статьям [Макарчук, 2021] и [Макарчук, 2023]. В них рассматриваются типы глагольных аттенуативов, сравниваются между собой, и описывается их взаимодействие с различными акциональными классами.

Сразу оговорим, как мы будем употреблять некоторую аспектуальную терминологию. В качестве общего названия всех акциональных типов мы будем использовать термин *ситуация*. Ситуации будут делиться на три типа: состояния, процессы и события. Состояния — это стативный акциональный тип, «темпорально стабильные» ситуации, не требующие притока энергии для их поддержания (например, *сидеть, спать, любить*). Процессы — это длительный динамический акциональный тип, ситуации постепенного или циклического изменения состояния (например, *гулять, кричать, греть*). События — это мгновенные ситуации точечного перехода из одного состояния в другое (например, *войти, упасть, кашлянуть*).

Здесь и далее мы следуем общей конвенции писать конкретноязыковые категории с большой буквы (например, *русский Генетив*), а категории, которые применимы ко всем языкам, с маленькой (например, *показатели генетива в языках мира*).

2. Глагольный аттенуатив в горномарийском языке

В [Макарчук, 2019] описан показатель глагольного аттенуатива *-al/-alal/-aldal* в горномарийском языке².

Показатели *-al/-alal/-aldal* дополнительно распределены.³ В горномарийском языке глагол относится к одному из двух морфологических спряжений, которые имеют разные показатели: ср. формы 3 л. ед. ч. непрош. времени глагола I спряжения *pâr-eš* ‘кусает’ и глагола II спряжения *pâr-a* ‘входит’. Присоединение того или иного показателя Аттенуатива зависит от количества слогов производящей основы и ее спряжения. Если основа многосложная, то вне зависимости от спряжения присоединяется показатель *-al/-äl*: например, *ašked-eš* ‘шагает’ > *ašked-äl-eš* ‘пошагает (не-

² Данные, на которые опирается настоящее исследование, были собраны в ходе полевой работы в экспедициях ОТиПЛ МГУ и Школы лингвистики НИУ ВШЭ в 2016–2018 гг. в села Микряково и Сосновку Горномарийского р-на Республики Марий Эл под руководством С. Ю. Толдовой (лето 2016 г., лето 2017 г.) и А. А. Козлова (зима 2017 г., зима 2018 г.).

³ Распределение проверено на 45 глаголах с разными исходами основ и разными длинами их.

которое время)’. Если основа односложная и имеет I спряжение, то к ней присоединяется показатель *-âldal/-âldâl* или его вариант *-ândal/-ândâl*: например, *lâd-eš* ‘читает’ > *lâd-âldal-eš* ‘почитает’. Если же односложная основа имеет II спряжение, то к ней присоединяется показатель *-alal/-âlâl* или его вариант *-altal/-ältâl*: например, *šül-ä* ‘дышит’ > *šül-âlâl-eš* ‘подышит’. Таким образом, наблюдаемые разнообразные проявления одного и того же показателя являются алломорфами одного показателя Аттенуатива.

Рассмотрим интерпретации показателя Аттенуатива.

Одна из часто воспроизводимых интерпретаций — «уменьшенный» **делIMITATИВ** — длительная ситуация, длительность которой меньше, чем нормальная:

(5) {Ситуация: нужно проработать шесть часов.}

a. *vas’a kok cäs vele rovojaj-al-ân*

В. два час лишь работать-АТТ-PRF.3SG

‘Вася **поработал** всего лишь два часа’.

b. **a pet’a kändäkš cäs väk rovojaj-al-ân*

а П. восемь час даже работать-АТТ-PRF.3SG

Ожид.: ‘А вот Петя **проработал** целых восемь часов!’

При этом ситуация не может достигать своего предела, даже если длительность меньше нормальная, например, точечная, как в (6). И в целом такой дериват не сочетается с обстоятельствами срока типа *за пять минут* (7).

(6) **a pet’a ikänä-štä roman-xälä lâd-âldal-ân*

а П. один.раз-IN роман-целиком читать-АТТ-PRF.3SG

Ожид.: ‘А Петя залпом **прочел** весь роман’.

(7) **tädä vəc minut-âštä svezä vozdux dono šül-âlâl-ä*

тот пять минут-IN свежий воздух с дышать-АТТ-AOR.3SG

Ожид.: ‘Он **подышал** немного свежим воздухом и закончил за пять минут’.

Другая интерпретация Аттенуатив — **вхождение в краткое состояние** — событие, результирующее состояние которого длится недолго и вскоре прекращается.

(8) *ätä-m kečäväl paštek tokâ-na pâr-alal'-ä*

отец-POSS.1SG полдень после домой-POSS.1PL прийти-АТТ-AOR.3SG

‘Отец пополудни **заскочил** (= **зашел ненадолго**) домой’.

- (9) *i vara ma-m molebenāj dom-ām äšt-äläl-ән-ät äl'ä*
 и потом что-ACC молебный дом-ACC делать-ATT-PRF-3PL RETR1
ma-štä — separatärnāj punktä-štä
 что-IN сепараторный пункт-IN
 {Церковь сгорела.} 'И потом, как его там, молитвенный дом
устроили на время (пока не построят новую церковь) в этом, как
 его ... — На сепараторном пункте'. (Из корпуса текстов)

Это результирующее состояние не может быть неотменимым (10) или длиться дольше нормального (11):

- (10) *män' täng-em-län ručk-ām / *podark-ām pu-alal'-äm*
 я друг-POSS.1SG-DAT ручка-ACC подарок-ACC дать-ATT-AOR.1SG
 'Я **одолжил** (= дал **ненадолго**) другу ручку / *подарок'.
 (11) *män' vəc minut-eš / *vəc ärnä-eš pär-alal'-äm*
 я пять минута-LAT пять неделя-LAT прийти-ATT-AOR.1SG
 'Я **заскочил** на пять минут / *пять недель'.

Две другие интерпретации — это вхождение в «ослабленное» состояние, то есть такое, чья степень ниже нормальной (12), и «частичное» свершение, такой предельный процесс, в котором задействована только часть затронутого актанта (13).

- (12) *tälät šokšə? — agəl män' uže käl-m-äläl'-äm*
 ты.DAT.POSS.2SG тепло NEG.3SG я уже замерзнуть-ATT-AOR.1SG
 'Тебе тепло? — Нет. Я уже **подмерз немного**'.
 (13) *stöl vəl-nə kol sänz-ä*
 стол на-IN рыба сидеть-NPST.3SG
 'На столе лежит рыба'.
 а. *kačk-äldal'-äm dä jäl-län kod-äšäm*
 есть-ATT-AOR.1SG и люди-DAT оставить-AOR.1SG
 'Я [рыбу] **поела (чуть-чуть)** и другим оставила'.
 б. **kačk-äldal'-äm dä šə-m kodə*
 есть-ATT-AOR.1SG и NEG.AOR-1SG оставить.CN
 Ожид.: 'Я [рыбу] **поела (чуть-чуть)** и ничего не оставила'.

В целом такие интерпретации можно вывести из значения «уменьшенного» делимитатива. Они доступны только для глаголов с инкрементальной темой. В структуре таких ситуаций длительность ситуации и состояние находятся в взаимнооднозначном соответствии: если делал немного, то

сделал мало, не полностью, и наоборот. И, действительно, в (12) чем дольше кто-то мерзнет на холоде, тем холоднее ему становится, а если кто-то подмерз немного, то значит, и провел времени на холоде он немного. То же верно и для предиката в (13): чем дольше кто-то что-то ест, тем больше он съедает, а если кто-то поел чего-то немного, то скорее всего ел он недолго.

При этом Аттенуатив не сочетается с состояниями в значении «ослабленного» состояния (14), и сочетается с неопределёнными процессами и состояниями только в контекстах с итеративной интерпретацией, которые мы предлагаем анализировать как сочетание Аттенуатива с нулевым итеративным показателем (15)–(16).

- (14) **mən' šəžgä-n* *vele* *äšəndär-äl-äm*
 я тусклый-ADV только помнить-АТТ-NPST.1SG
 Ожид.: {— Вы помните, что там было написано?} '— Я только **смутно помню**, {точно не скажу}'.

- (15) *izinolen* *kamaka-štə pu-vlä* *jäl-alal-ät*
 потихоньку печь-IN дрова-PL гореть-АТТ-NPST.3PL
 'Медленно и тихонько дрова в печке **погорят-перестанут**'.

- (16) *tədə kənam-tənäm lədəš-əm* *sir-äläl-eš*
 тот когда-тогда стихи-ACC писать-АТТ-NPST.3SG
 'Он иногда **пописывает** стихи'.

Как мы показываем, интерпретация финального деривата зависит от акциональной характеристики исходного глагола⁴. Если глагол имеет только длительную интерпретацию состояния или процесса, то Аттенуатив от него имеет только значение «уменьшенного» делимитатива:

- (17) *mən' šiz-əm* *iziš* *krovat-əštə*
 я просыпаться-AOR.1SG немного кровать-IN
ki-äläl'-əm *dä* *kən'al'-əm*
 лежать-АТТ-AOR.1SG и встать-AOR.1SG
 'Я проснулся, **полежал** в кровати **чуть-чуть**, а потом встал'.

⁴ Для определения акциональной характеристики глагола мы пользовались данными глагольной базы, собранной в ходе упомянутых в прошлой сноске горномарийской экспедиции. Распределение интерпретации в зависимости от акциональности исходного глагола было проверено на выборке из 20 глаголов различной акциональной характеристики; для каждого акционального типа по [Татевосов, 2010] было взято как минимум три глагола данного типа.

- (18) *mən' iziš-eš vele ki-äläl'-əm
 я немного-LAT только лежать-АТТ-АОР.1SG
 Ожид.: {— Ты чего разлегся?} '— Я ненадолго **прилегу**'.

Если глагол имеет только точечную интерпретацию события, то Атенуатив от него имеет только значение вхождение в краткое состояние:

- (19) *pet'a ik minut keles-äl'-ä a vara tumaj-äš
 П. один минута сказать-АТТ-АОР.3SG а потом думать-АОР.3SG
 Ожид.: 'Петя **поговорил** минуту, а потом задумался'.

- (20) pet'a kok šamakâ-m vele keles-äl'-ä
 П. два слова-АСС только сказать-АТТ-АОР.3SG
 a šamak-šâ tolk-eš tol-ân
 а слово-POSS.3SG толк-LAT прийти-PRF.3SG
 'Петя **бросил** пару слов, но они были очень кстати'.

Если же глагол может иметь обе интерпретации, то Атенуатив от такого глагола может значить и «уменьшенный» делимитатив, и вхождение в краткое состояние:

- (21) tädä tokâ-žâ ke-ndäl'-ä no äš šo
 этот домой-POSS.3SG идти-АТТ-АОР.3SG но NEG.AOR.3 дойти.SG
 'Он **пошел было** домой (т. е. подвигался в направлении к дому), но не дошел'.

- (22) ätä-m obed veremä-m tokâ-na ke-ndäl'-ä
 отец-POSS.1SG обед время-АСС домой-POSS.1PL идти-АТТ-АОР.3SG
 'Отец **ушел ненадолго** домой во время обеда'.

В статье мы предлагаем общую семантику Атенуатива как деривации, обозначающей **ситуацию, длительность которой меньше некоторой нормы и по окончании ситуации актант не переход в результирующее состояние**. Другими словами, Атенуативная ситуация — это частичная ситуация, которая как бы оборвалась «на полпути». Если исходный глагол обозначает состояние или непределный процесс, то получается значение ограниченного во времени состояния или процесса, после которого актант возвращается в исходное состояние. Если исходный глагол обозначает событие, то «на полпути» «обрывается» результирующее состояние и получается интерпретация вхождения в краткое состояние. Если исходный глагол обозначает предельный процесс, то «обрывается» этот процесс, но так как пока проистекал процесс накапливался некоторый эффект на некоторой шкале, то этот эффект сохраняется по завершении Атенуативной ситуации, и поэтому появляется значение «частичной»

совершенности. Эта интуиция об Аттенуативе в более проработанном виде ляжет в основу семантики делимитатива, о которой мы скажем в следующем разделе.

3. Семельфактивы и делимитативы

Статья [Макарчук, 2021] посвящена двум типам «перфективизирующих» глагольных аттенуативов: семельфактивам и делимитативам.

3.1. Семельфактивы

Семельфактивы обычно анализируют как значение глагольного числа (см., например, типологию в [Храковский, 1998]). Семельфактив в таком понимании обозначает «квант» мультипликативного процесса, такого процесса, который состоит из серии этих «квантов» — таких подситуаций, которые повторяются с одним и тем же набором актантов в одно и то же время. Примером семельфактива может послужить пара *кашлянуть* — *кашлять*. Глагол *кашлять* обозначает мультипликативный процесс, заключающийся в повторении события, которое обозначается семельфактивным глаголом *кашлянуть*.

Однако во многих языках встречаются семельфактивные дериваты от немультимпликативных глаголов, как, например, разговорные русские *курнуть*, *гульнуть* и *читнуть*. Процессы *курнуть*, *гульнуть* и *читнуть* не состоят из повторяющихся подситуаций, но при этом семельфактивные дериваты от них производятся.

Мы предлагаем развить идею «кванта», используя понятия **атома** и **атомарности**, описанные в [Rothstein, 2008].

Атом — нечто неделимое, некоторая минимальная или принимаемая за минимальную единица некоторой сущности. Атомарностью счетные существительные отличаются от несчетных. Однако, как показывает С. Ротштейн, счетные существительные бывают двух типов: такие, как *собака*, и такие, как *охапка*. Для первого типа ясно, что является единицей измерения этих сущностей: собак считают в собаках — это задано лексической семантикой существительного. Для второго типа единица измерения зависит от контекста. Например, если разделить охапку цветов надвое, то можно сказать и что в итоге получилось *две половины большой охапки*, а можно и что *две маленькие охапки*. Напротив, если объединить двух собак или наоборот поделить собаку, то нельзя получить собаку из их частей или суммы. С. Ротштейн предлагает называть существительные

типа *собака* **естественно атомарными**, а существительные типа *охапка* соответственно не являющимися естественно атомарными.

Далее С. Ротштейн перекладывает понятие атома и естественной атомарности на семантику глагола. Атомарность — это квантованность или ограниченность ситуации (*boundedness* или «*telicity*» в понимании [Krifka, 1998]). События типа *arrive* ‘прийти’ естественно атомарны и поэтому могут сами по себе обозначать квантованную ситуацию, как в (23). Напротив, процессы типа *run* ‘бежать’ в (24) не естественно атомарны и чтобы они могли употребляться квантованно им необходимо эксплицитно заданная единица измерения, как *a mile* ‘миля’. Однако существуют естественно атомарные процессы — это мультипликативные процессы как, например, *jump* ‘прыгать’ в (25), который может употребляться квантованно сам по себе, именно потому что в его семантике задан этот атом.

(23) *John arrived in half an hour.*

‘Джон добрался за полчаса’. [Rothstein, 2008, p. 48]

(24) a. *#Mary ran in ten minutes.*

Ожид.: ‘Мэри сбегала (куда-то) за десять минут’.

b. *Mary ran a mile in ten minutes.*

‘Мэри пробежала милю за десять минут’. [Rothstein, 2008, p. 59]

(25) a. *Mary jumped for ten minutes.*

‘Мэри попрыгала десять минут’. (наш пример)

b. *Mary jumped in 15 seconds.*

‘Мэри прыгнула за 15 секунд’. [Rothstein, 2008, p. 60]

Мы предлагаем семантику семельфактива как **атома ситуации**, то есть **минимальной по времени части ситуации**.

Если определить семантику деривации так, то станет видно, как акциональная интерпретация деривата зависит от акциональной интерпретации основы. Рассмотрим сочетаемость показателей семельфактива на примере русского, финского языков и языка гаввада (кушитская семья).

Если исходная интерпретация — это мультипликативный процесс, то, так как это естественно атомарная ситуация, семельфактив просто предъявляет атом, заданный семантикой глагола:

(26) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen, 2008]

hup-ähtä-ä ‘прыгнуть’ < *hupätä* ‘прыгать’

б. Гаввада [Tosco, 2007]

tul~li ‘кашлянуть’ < *tula* ‘кашлять’

с. Русский

мигнуть < *мигать*

Если ситуация — немультимпликативный процесс, то это уже не являющаяся естественно атомарной ситуация и семельфактив «сам» создает такой атом в зависимости от контекста:

(27) а. Финский [Karlsson, 1999, p. 239]

laul-ahta-a ‘попеть немного’ < *laulaa* ‘петь’

б. Гаввада [Tosco, 2007]

ʒuk~ki ‘отпить немного’ < *ʒuk* ‘пить’

с. Русский

курнуть < *курить*

При этом семельфактивы не образуются от событий (28) и состояний индивидуального уровня (29). События уже представляют собой точечные ситуации, поэтому выделить в них минимальную часть невозможно. С другой стороны, так как состояния индивидуального уровня обычно не имеют привязки ко времени и соответственно длительности (нельзя *знать два часа* или *понимать пять минут*), то оказывается невозможным выделить хоть какую-либо часть относительно этой длительности.

(28) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen, 2008]

**saav-ahta-a* < *saarua* ‘прийти’

б. Русский

**находнуть* < *находить*

(29) а. Финский [Armoškaitė, Koskinen, 2008]

**tied-ähtä-ä* < *tietää* ‘знать’

б. Русский

**понимнуть/понимануть/понянуть* < *понимать*

Также в статье рассматривается пример сдвига значения инхоатива в семельфактивное на примере деривации *-kst* в мокшанском языке. Она мо-

жет обозначать как инхоатив по типу *jalga-kst*- ‘подружиться’ < *jalga* ‘друг’, так и семельфактивы по типу *koz-ksta*- ‘кашлянуть’ < *koz*- ‘кашлять’ и *s’uc’ə-ksta*- ‘ругнуть’ < *s’uc’ə*- ‘ругать’. Такие дериваты происходят из сочетания транслатива и каузатива [Серебренников, 1967, с. 222] и по всей видимости изначально означали инхоатив. В статье мы подробно описываем возможный путь грамматикализации из инхоатива в семельфактив. В общем говоря, инхоативы обозначают начальную фазу ситуации, которая уже является минимальной ситуацией. Это сближает семантику инхоатива и семельфактива, делая переход из первого во второй естественным.

3.2. Делимитативы

Второй рассматриваемый тип — это **делимитатив**. На материале славянских языков были разработаны два подхода к делимитативу. Один из них — скалярный, согласно которому делимитатив обозначает, что некоторый параметр в структуре ситуации имеет значение ниже нормального, ожидаемого (см., например, [Piñón, 1994; Filip, 2000], а также скалярный подход ко всем русским глагольным приставкам в [Каган, 2015]). Другой подход — чисто аспектуальный, согласно которому делимитатив — это оператор, который содержит исключительно семантику перфектива и не добавляет результирующего состояния (см., например, [Dickey, Hutcheson, 2003; Федотов, Чуйкова, 2013; Kisseleva, Tatevosov, 2011; Tatevosov, 2015]).

Однако у обоих подходов есть свои недостатки. Чисто скалярные подходы, не справляются с примерами типа (30) и (31), где степень реализации не меньше нормальной и даже превышает ее.

(30) *В сауне, **вдоволь попотев** в жаркой парной, <...> финн благодушно разговорится с вами, сидя в гостинной за кружкой холодного пива.* (Пример из интернета, цит. по [Федотов, Чуйкова, 2013, с. 178])

(31) *Зарабатывая большие деньги, он большую часть их расходовал на еду, вот и сынок вышел в папашу не только лицом, но и умением хорошо и **много поест**.* [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930–1935)]

Чисто аспектуальный подход лучше справляется с такими примерами, но для него не ясно, почему делимитативные дериваты часто обозначают незаконченное действие. Ограничение, вводимое К. Л. Киселевой и С. Г. Татевосовым, как попытка это объяснить, — ограничение на внутреннюю гомогенность исходного процесса, то его «ненацеленность» на результат — существует как будто отдельно от семантики чистого перфектива, и не ясно как с ней связана.

Мы предлагаем семантику делимитатива как **неконечной порции ситуации по времени**. Рассмотрим поведение семантики делимитатива с разными акциональными типами на примере русского, горномарийского и чувашского.

Если исходная основа — состояние или процесс, то делимитатив обозначает, что это состояние или процесс началось и имело место некоторое время, а потом прекратилось.

(32) а. Русский

подышать < *дышать*

б. Горномарийский (собственные полевые данные)

šül-äläl'-ä 'подышал немного' < *šül-äš* 'дышал'

с. Чувашский [Шлуинский, 2006]

šivär-sa ilčë 'немного поспал' < *šivär-čë* 'спал'

Если у процесса есть инкрементальная тема, то возникает значение частичности реализации ситуации, как в примере (13а), повторенном ниже как (33):

(33) *kačk-äldal'-äm* *dä jäl-län* *kod-äšäm*

есть-АТТ-АОР.1SG и люди-DAT оставить-АОР.1SG

'Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и другим оставила'.

Также такой анализ позволяет сблизить два значения русской приставки *по-*: делимитативное и чистовидовое. У некоторых ситуаций порция ситуации уже составляет полноценную ситуацию — таковы, например, глаголы *попросить* и *поесть* (ср. употребление глагола *поесть* с наречием *вдоволь* в (31) выше). При этом при глаголе *поесть* обычно получается импликатура частичности, которую можно объяснить конкуренцией с формой *съесть* (ср. (34а) и (34б)): ведь если говорящий произнес форму *поел* вместо формы *съел*, то согласно максиме количества ([Grice, 1975]) более сильное утверждение, заключенное в форме *съел*, о том, произошел процесс и он завершился результирующим состоянием, неверно: верно только утверждение о процессе — единственный ассертивный компонент, содержащийся в форме *поел*. При этом, как показывает (34в), частичность ситуации — это импликатура, которая может не выводиться в других контекстах.

- (34) а. Я **поел** пирог, ^{OK} но он еще остался / [?] и его больше нет.
 б. Я **съел** пирог, ^{??} но он еще остался / ^{OK} и его больше нет.
 в. Ты **поел**? — ^{OK} Я **поел** и наелся.

Прагматически можно объяснить и многие видовые пары на *по-* типа *грузить* — *погрузить*. В значении *по-* нет указания на результирующее состояние, он позволяет образовывать глаголы Совершенного вида от непредельных глаголов, у которых нет потенциальной результирующей фазы в структуре ситуации. При этом, если говорящий употребляет глагол Совершенного вида, обозначающий порцию ситуации, вместо глагола Несовершенного вида, то согласно максиме количества выводится импликатура, что ситуация закончилась и завершилась некоторым результатом — иначе был бы использован менее информативный глагол Несовершенного вида. Таким образом, результирующая фаза — это просто закрепившаяся импликатура.

Так как делимитатив выделяет порцию по времени, он не сочетается с состояниями индивидуального уровня и вхождениями в них (ср. неупотребимость горномарийского Аттенуатива с глагольными группами типа *дать подарок* в (10)). Как мы уже говорили выше, у состояний индивидуального уровня нет привязки ко времени, поэтому они не употребимы с делимитативом без реинтерпретации таких состояний как *временных*:

(35) ^{??} *Вася пошепелявил час, а потом перестал.*

(36) [?] *tädä marân äl-äldal'-ä* *dä vara rušân li-n*
 тот мариец быть-АТТ-AOR.3SG и потом русский стать-PRF.3SG

[?] Он **побыл марицем**, а потом стал русским’.

Что касается сочетаемости с событиями, то делимитативы ведут себя по-разному в разных языках. В языках типа русского такие дериваты не возможны (37а), но в языках типа горномарийского и чувашского дериваты от событий обозначают, что результирующее состояние длилось короткое время (37б-в).

(37) а. Русский

**поприходить* < *приходить* (в единичном значении)

б. Горномарийский (собственные полевые данные)

pišt-äläl'-ə 'положил ненадолго' < *pišt-əš* 'положил'

с. Чувашский [Шлуинский, 2006]

sün-se ilčë 'погас и снова вспыхнул' < *sünčë* 'погас'

4. Дисконтинуативы и глагольные диминутивы

Статья [Макарчук, 2023] посвящена двум типам «имперфективизирующих» глагольных аттенуативов: дисконтинуативам и глагольным диминутивам.

4.1. Дисконтинуативы

Рассмотрим сначала **дисконтинуативы**. Отметим сразу, что это название условно, так как такие дериваты имеют значение не только прерывистой ситуации. Однако, как мы покажем ниже, это ядерное значение деривации, поэтому было выбрано такое название.

В статье рассматриваются примеры карибских креолов, малайско-полинезийских языков и горномарийского. Ниже мы будем рассматривать поведение дисконтинуативов на примере Аттенуативной редупликации⁵ в маврикийском креола [Henri, Winterstein, 2010; Henri, Winterstein, 2014] и показателя *-kala* в чувашском [Tatevosov, 2006].

Интересным образом в отличие от других типов глагольных аттенуативов дисконтинуативы сочетаются со всеми акциональными типами.

Дериваты от неопределённых процессов и состояний стадийного уровня имеют собственное дисконтинуативное значение — т. е. прерывистой ситуации:

(38) а. Маврикийский креол [Henri, Winterstein, 2010]

Zan ronf-ronfle lor sez.

Жан храпеть.SF-храпеть.LF на стул

‘Жан сидит на стуле и храпит время от времени’.

⁵ Авторы называют ее морфологической редупликацией в противовес синтаксической редупликации, о которой пойдет речь позже.

б. Чувашский [Tatevosov, 2006]

vaš'a uj-a suxala-kala-r-ě

В. поле-DA пахать-KALA-PFV-3:SG

‘Вася пахал поле с перерывами’.

Это значение также может давать эффекты малой скорости, как в чувашском примере ниже [Tatevosov, 2006]:

(39) *maš'a koftă-na š'ix-kele-r-ě*

М. кофта-DA вязать-KALA-PFV-3:SG

‘Маша потихоньку (= медленно) вязала кофту’.

От предельных процессов образуются дериваты со значением частичной реализации процесса:

(40) а. Маврикийский креол [Henri, Winterstein, 2010]

Zan inn ranz-ranz so lakaz.

Жан PERF строить-строить.SF 3SG.POSS дом

‘Жан частично построил свой дом’.

б. Чувашский [Tatevosov, 2006]

jivaš' šan-kala-r-ě

дерево увядать-KALA-PFV-3:SG

‘Дерево немного (= частично) усохло’.

Как показывают данные Ф. Анри и Г. Винтерштейна, Аттenuативная редупликация сочетается с событиями и даже с состояниями индивидуального уровня. Дериваты от события имеют значение раритива — редко происходящей ситуации (41), а дериваты от состояний индивидуального уровня — малой степени состояния (42).

(41) *Ariv-ariv aksidan par isi*

случиться-случиться.SF несчастный_случай через здесь

‘Несчастные случаи происходят тут время от времени’.

(42) *Avan mo bien dekouver so zwe*

перед 1SG.POSS хорошо узнать.SF 3SG.POSS игра

mo ti pe krwar-krwar li.

1SG PST PROG верить-верить.SF 3SG

‘До того как я узнал его по-настоящему, я не сильно верил ему’.

Что касается чувашского, в корпусе Лаборатории чувашского языка⁶ также встречаются примеры употребления *-kala* со значением малой степени состояния (43) и раритива (44), подобные употреблению выше:

- (43) *Музыка-на йста пёле-т-ёр-им эсир? — Пёл-келе-т-ён.*
музыка-DA мастер знать-NPST-2SG-Q вы — знать-KALA-NPST-1SG
'А вы знаток в музыке? — **Так себе знаток**'. [Сандров Н. А. Мён тумалла? (1957), перевод В. Л. Сада по корпусу Лаборатории чувашского языка]
- (44) *Ял-а таван-сем патне кил-келе-т-ён.*
село-DA родным-PL к приходить-KALA-PRES-1SG
'**Иногда приезжаю** в деревню к родным'. [Мария Петрова, Сураçнă хёр (2019) по корпусу Лаборатории чувашского языка]

В статье мы также обсуждаем похожий пример горномарийского Фреквентатива, имеющего схожую семантику [Михайлов, 2018; Mikhailov, 2018], обсуждение которого мы опускаем из соображений места.

Как мы показываем, **дисконтинуативы происходят из дериватов глагольной множественности.**

В маврикийском креоле Ф. Анри и Г. Винтерштейн выделяют два типа редупликации глагола: морфологическую со значением аттенуатива, примеры которой были представлены выше, а также в (45), и синтаксическую, имеющую значение итератива (46) и аугментатива (47). Мы считаем, что морфологическая редупликация — это дальнейшая грамматикализация синтаксической редупликации.

- (45) *Zan kontan sant-sante.*
Жан нравиться.SF петть-петть.LF
'Жану нравится **напевать** (разные мелодии)'.
(46) *Li sante (ek) sante (ek) sante.*
3SG петть.LF (и) петть.LF (и) петть.LF
'Он **всё поет и поет**'.
(47) *Zan kontan sante sante.*
Жан любить.SF петть.LF петть.LF
'Жан любит **по-настоящему петть**'.

⁶ <https://ru.corpus.chv.su/>

Чувашский показатель *-kala*, широко представленный и в других тюркских языках, по всей видимости представляет собой сочетание двух показателей множественности *-ya* и *-la* [СИГТЯ, 1988, с. 439]. Например, в [Левитская, 1976, с. 55] Л. С. Левитская приводит разложение аналогичного показателя в азербайджанском [Севортян, 1962, с. 349 и сл.] на «два элемента с учащательным значением» *-ka* и *-la*.

Показатели горномарийских дисконтинуативов также происходят из показателей глагольной множественности [Галкин, 1966, с. 88–90, 90–92, 95–99] (подробнее см. в тексте статьи).

Мы предлагаем следующий путь грамматикализации подобных показателей. Изначально такие показатели имеют значение глагольной множественности. Затем развивается значение дисконтинуатива и дисперсива: ведь если говорящий использовал форму с глагольной множественностью, значит, ситуация, описываемая таким глаголом, выделяется на фоне нормальной. Если ситуация распределена во времени и пространстве, значит, она имеет меньшую интенсивность, нежели такая, которая была бы сосредоточена в одной точке времени и пространства. Затем закрепляется импликатура о малой интенсивности ситуации и деривация начинает иметь собственно аттенуативные значения.

4.2. Глагольные диминутивы

Теперь обсудим второй тип, описываемые в статье, — **глагольные диминутивы**. В работе мы рассматриваем этот тип на примере итальянских показателей *-a/e/i/u/acchi(are)*, *-a/e/u/uzz(are)*, *-in(are)*, *-ett(are)* [Grandi, 2015; Tovenà, 2011; Tovenà, 2015], немецкого *-el* [Grestenberger, Kallulli, 2019; Weidhaas, Schmid, 2015; Audring, Booij, Jackendoff, 2017], французских *-ot(er)*, *-vill(er)*, *-on(ner)*, *-vch(er)*, *-ass(er)* [Amiot, Stosic, 2014] и хорватских *-ak*, *-uck*, *-k*, *-kar* [Katunar, 2013].

Эти показатели происходят из **именных диминутивов**, как видно из примеров ниже⁷:

(48) Немецкий [Grestenberger, Kallulli, 2019]

а. *köch-el-n* ‘почти кипеть’ < *koch-en* ‘кипеть’

б. *Büsch-el* ‘куст, пучок’ < *Busch* ‘куст’

⁷ Ниже представлены только по одному примеру для каждого языка, полный набор примеров для всех показателей каждого языка представлен в статье.

- (49) Итальянский [Tovena, 2011]
 а. *mangiu-cchi-are* ‘покусывать, есть нехотя’ < *mangi-are* ‘есть’
 б. *govern-icchi-o* ‘так себе правительство’ < *govern-o* ‘правительство’
- (50) Французский
 а. *neige-ot-er* ‘слегка идти (о снеге)’ < *neiger* ‘идти (о снеге)’ [Amiot, Stosic, 2014]
 б. *Pierr-ot* ‘Петя’ < *Pierre* ‘Петр’
- (51) Хорватский
 а. *lup-k-ati* ‘ударять слегка’ < *lupati* ‘ударять’ [Katunar, 2013]
 б. *smieš-k-a* ‘улыбка’ < *smijeh* ‘смех’ [Ronelle, 2006, p. 343]

Ядерное значение таких показателей — это значение пониженной интенсивности:

- (52) а. Немецкий [Grestenberger, Kallulli, 2019]
köch-el-n ‘почти кипеть, греться на малом огне’ < *koch-en* ‘кипеть’
 (аналогично английскому *simmer*)
 б. Итальянский [Tovena, 2015]
leggi-ucchi-are ‘бегло прочесть’ < *legg-ere* ‘читать’
 в. Французский [Amiot, Stosic, 2014]
neige-ot-er ‘слегка идти (о снеге)’ < *neig-er* ‘идти (о снеге)’
 г. Хорватский [Katunar, 2013]
lup-k-ati ‘постукивать’ < *lup-ati* ‘стучать’

Далее это значение развивается в значение дисперсива — ситуации распредленной в пространстве — и смежное значение дисконтинуатива — прерывистой ситуации:

(53) а. Немецкий [Grestenberger, Kallulli, 2019]

dräng-el-n ‘толкаться, подталкивать’ < *dräng-en* ‘напирать, толкаться’

б. Итальянский [Tovena, 2011]

tagliuzzare ‘нарезать на многие маленькие кусочки’ < *tagliare* ‘разрезать’

в. Французский [Amiot, Stosic, 2014]

mord-ill-er ‘покусывать’ < *mord-re* ‘кусать’

г. Хорватский [Katunar, 2013]

trčkarati ‘бегать без цели, там и сям’ < *trčati* ‘бежать’

Нам видится две причины такой множественной интерпретации. Во-первых, множественность может вводить лексическая семантика самого глагола, как в французском *mordiller* ‘покусывать’ от *mordre* ‘кусать’.

Во-вторых, такая множественность может объясняться тем, что «ослабленность» ситуации заключается в ее меньшей интенсивности и в более редком повторении подситуаций. Рассмотрим немецкий пример *nerve(n)* ‘немного раздражать, вести себя раздражающе’ от *nerven* ‘раздражать’: раздражать в меньшей степени, чем обычно, часто обозначает, что ситуации раздражения происходят реже, чем в нормальном случае, поэтому и возникает множественная интерпретация.

Такая множественная интерпретация возникает не всегда. Например, в немецком *köcheln* ‘почти кипеть, греться на малом огне’ от *kochen* ‘кипеть’ диминутив обозначает, что ситуация кипения по шкале температуры происходит ниже, чем в нормальной, и не имеет оттенка множественности.

В конце добавим, что часто глагольные диминутивы получают прагматический оттенок пейоративности, что впрочем было замечено в [Михайлов, 2018] для горномарийского дисконтинуатива:

(54) а. Немецкий [Grestenberger, Kallulli, 2019]

schreib-erl-n ‘писать плохо’ < *schreib-en* ‘писать’ (пример из австрийского немецкого)’

б. Французский [Amiot, Stosic, 2014]

chroniqu-aill-er ‘пописывать сомнительного качества хроники’ < *chroniqu-er* ‘писать хроники’

в. Хорватский [Katunar, 2013]

piskarati ‘писать плохо’ < *pisati* ‘писать’

Согласно данным [Grandi, 2015] об итальянском, данным [Amiot, Stosic, 2014] о французском такие деривации обычно сочетаются только с состояниями стадийного уровня и процессами. Впрочем, требуют дополнительные исследования для уточнения акциональной сочетаемости таких дериватов.

5. Заключение

Итак, мы представили типологию глагольных аттенуативов — дериваций со значением ослабленной ситуации.

Эта область мало изучена. В единственном опубликованном типологическом обзоре данной области — в статье [Audring, Leufkens, van Lier, 2021] — представлен довольно широкий материал языков, однако сочетаемостные характеристики дериватов не были рассмотрены подробно. В этой диссертации мы постарались представить более подробное описание разных типов, их значений и сочетаемости с различными акциональными типами.

Статья [Макарчук, 2019], обсужденная в разделе 2, была представлена модель возможного описания деривации глагольного аттенуатива в конкретном языке — в данном случае, в горномарийском. Мы постарались показать, какие акциональные типы может быть полезно рассмотреть, и как от акционального типа исходного глагола может зависеть итоговая интерпретация деривата.

В статье [Макарчук, 2021], резюмированной в разделе 3, и в статье [Макарчук, 2023], резюмированной в разделе 4, были выделены четыре типа глагольных аттенуативов: семельфактивы, делимитативы, дисконтинуативы и глагольные диминутивы.

Мы предложили следующие ядерные значения для этих типов. Семельфактив — это минимальная по времени ситуация. Делимитатив — это неконечная порция ситуации по времени. В деривации дисконтинуатива ядерное значение — это значение прерывистой ситуации, из которой далее развивается обобщенное значение ослабленной ситуации. Глагольный диминутив — это (длительная) ситуация, интенсивность реализации которой ниже нормы.

Ниже в Таблица 1 представлено, с какими акциональными типами сочетаются различные типа глагольных аттенуативов и какие интерпретации получает дериват от того или иного акционального типа.

	состояния инд. ур.	состояния стад. ур. / непр. проц.	предельные процессы	события
семельфактив	—	минимальная ситуация	неполная, «небрежная» реализация	—
делимитатив	—	порция ситуации	частичная реализация	вхождение в короткое состояние (иногда)
дисконтинуатив	малая степень состояния	прерыви- стость	частичная реализация	раритив
гл. диминутив	—	ослабленное состояние / процесс		—

Таблица 1. Сочетаемость разных типов глагольных аттенуативов с разными акциональными типами

Исследователю, который не изучал глубоко словообразовательные аспектуальные показатели, может на первый взгляд показаться, что их интерпретации идиосинкратичны и мало предсказуемы. Однако, как мы надеемся, наша диссертация показывает, что если определить значение деривации, то можно предсказать сочетаемостные характеристики этих дериваций и интерпретацию дериватов (в зависимости от акционального типа исходного глагола). В данной диссертации мы затронули только часть большой и мало изученной области глагольных категорий, которую в [Макарчук, 2021] мы предложили назвать **глагольной мерой** — значения, которые выражают некоторую меру или степень реализации ситуации на той или иной шкале. Мы надеемся, что этой областью семантики заинтересуется больше исследователей, что позволит нашей науке углубить понимание того, из каких компонентов состоит область, называемая глагольным видом.

Список литературы

1. Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966.
2. Игнатенко Д. И. Модели полисемии показателей семельфактива и лимитатива в языках мира. Курсовая работа бакалавра, НИУ ВШЭ, 2017.

3. Игнатенко Д. И., Волков О. С. Показатели неполноты ситуации, или лимитативно-семельфактивная деривация в языках мира: Устный доклад на Четырнадцатой Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017.
4. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.
5. Макарчук И. В. Глагольный аттенуатив в горномарийском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Т. XV. № 2. С. 130–162.
6. Макарчук И. В. К типологии дериваций глагольной меры: семельфактив и делимитатив // *Вопросы языкознания*. 2021. № 6. С. 40–68.
7. Макарчук И. В. О типах «малых» ситуаций: дисконтинуативы и глагольные диминутивы // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2023. № 2. С. 92–103.
8. Михайлов С. К. Горномарийский фреквентатив в типологической перспективе. Курсовая работа бакалавра, НИУ ВШЭ, 2018.
9. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
10. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.
11. Гатевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... д. филол. наук. М. 2010.
12. Тенишев Э. Р. (отв. ред.) Сравнительная-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
13. Федотов М. Л., Чуйкова О. Ю. К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола // Грехова Е. И. (ред.) *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 153–203.
14. Храковский В. С. Типология семельфактива // Черткова М. Ю. (ред.) *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: ЯРК, 1998. С. 485–490.
15. Шлуинский А. Б. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция с вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // *Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология*. № 1. 2006. С. 32–47.
16. Amiot D., Stosic D. When evaluative morphology, pluractionality and aspect get tangled up: a case study of French suffixed verbs. // Gavriilidou Z., Revithiadou A. (eds.) *Mélanges offerts à Anna Anastassiades-Syméonides à l'occasion de sa retraite*. Kavala: Saita Publishers, 2014. P. 16–33.
17. Armoškaitė S., Koskinen P. Diminutive verbal suffixes in Finnish // *Proceedings of the 2008 annual conference of the Canadian Linguistic Association*. 2008. P. 1–13.

18. Audring J., Booij G., Jackendoff R. Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and lexicon // *Linguistics in the Netherlands*. 2017. P. 1–15.
19. Audring J., Leufkens S., Lier E. van. Small events. Verbal diminutives in the languages of the world // *Linguistic Typology at the Crossroads*. 2021. Vol. 1. Iss. 1. P. 223–256.
20. Dickey S. M., Hutcheson J. Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic // Maguire R. A., Timberlake A. (eds.) *American Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*. Ljubljana: Slavica, 2003. P. 23–36.
21. Filip H. The quantization puzzle // Pustejovsky J., Tenny C. (eds.) *Events as grammatical objects, from the combined perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax*. Stanford: CSLI Press, 2000. P. 3–60.
22. Grandi N. Word-formation and lexical aspect: deverbal verbs in Italian // Müller P. O. et al. (eds.) *Word-Formation Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*. Berlin/Boston: De Gruyter, 2015. P. 1467–1482.
23. Grestenberger L., Kallulli D. The largesse of diminutives: suppressing the projection of roots // *Proceedings of NELS 49*. Amherst: GLSA, 2019. P. 61–74.
24. Grice H. P. Logic and conversation // Cole P., Morgan. J. L. (eds.) *Syntax and Semantics*. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
25. Henri F., Winterstein G. Morpho-Semantics of Verbal Reduplication: the case of Mauritian Talk presented at 17th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar (HPSG). Paris, France, July 9–10, 2010.
26. Henri F., Winterstein G. Morpho-Semantics of verbal reduplication: The case of Mauritian. Ms., 2014.
27. Kagan O. Scalarity in the verbal domain: The case of verbal prefixation in Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
28. Katunar D. Diminutives in Action: A cognitive account of diminutive verbs and their suffixes in Croatian // *Suvremena lingvistika*. 2013. Vol. 39. Iss. 75, P. 1–23.
29. Kisseleva X. L., Tatevosov S. G. Ordered activities and semantics of the delimitative. Paper presented at The Sixth Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society, Provence, France, September 1–3, 2011.
30. Krifka M. The Origins of Telicity // Rothstein S. D. (ed.) *Events and Grammar*. Dordrecht: Springer Netherlands, 1998. P. 197–235.
31. Makarchuk I. V. Typology of verbal attenuative. Master thesis, HSE. 2020.
32. Mikhailov S. K. Hill Mari Frequentative: Event-internal Pluractionality on the Verge of Evaluation. Paper presented at 4th Workshop on Volga-Kama languages, Moscow, November 16–18, 2018.
33. Piñón C. Aspectual composition and the “pofective” in Polish // Avrutin S., Franks S., Progovac L. (eds.) *Formal Approaches to Slavic Linguistics*:

- The MIT Meeting. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1994. P. 341–373.
34. Ronelle A. Bosnian, Croatian, Serbian, a Grammar With Sociolinguistic Commentary. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006.
 35. Rothstein S. D. Telicity, atomicity and the Vendler classification of verbs // Rothstein S. D. (eds.) Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect *Linguistik Aktuell/Linguistics Today*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 43–77.
 36. Tatevosov S. G. Situational diminutives: towards a typology. Presented at The Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology. Sardinia, Italy, September 15–18, 2003.
 37. Tatevosov S. G. Plural vs. Discontinuous Events: Degree Modification in Chuvash // Kelepir M., Öztürk B. (eds.) Proceedings of WAFL 2: Workshop on Altaic Formal Linguistics MIT Working Papers in Linguistics. Cambridge: MITWPL, 2006. P. 347–364.
 38. Tatevosov S. G. Constraining the distribution of the delimitative. Talk presented at 24th Conference on Formal Approaches to Slavic Linguistics. New-York, USA, May 7–10, 2015.
 39. Tosco M. Semelfactive verbs, plurative nouns: On number in Gawwada (Cushitic) // Fales F. M., Grassi G. F. (eds.) Proceedings of the 13th Italian meeting of Afro-Asiatic linguistics History of the Ancient Near East. Padova: S.A.R.G.O.N., 2007.
 40. Tovená L. M. When Small Is Many in the Event Domain // *lexis*. 2011. № 6.
 41. Tovená L. M. Evaluative Morphology and Aspect/Actionality // Grandi N., Körtvélyessy L. (eds.) *Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. P. 108–120.
 42. Weidhaas T., Schmid H.-J. Diminutive verbs in German: semantic analysis and theoretical implications // *Morphology*. 2015. Vol. 25. Iss 2. P. 183–227.